

Семен
ЗАСЛАВСКИЙ

ПРОЩАЙ,
СТОЛЕТИЕ

Семен Заславский

ПРОЩАЙ, СТОЛЕТИЕ

Стихи, поэмы, переводы

Екатеринбург
Издательство «Кинос»
1992

Книга издана по заказу фирмы «Карат»

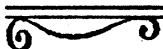
3 4702010202—03
E 19(03)—92

© Издательство «Кинос», 1992

ВЕТЕР

О, как гудел упрямый и упругий,
Взметая пыль в беспамятной отваге,
И семена огня повсюду сея...
Но Геркуланум что? И что Помпея,
Когда из плена эолийской влаги
Одна вернется музыка на круги?
Так вдаль глядят влюбленные супруги,
Укрытые в этрусском саркофаге!

1977

Если сроки исполнились, если любовь истекла
И кончается, если не кончилось Новое время,
И вторая лазурь с отгоревшего неба сошла,
Потуши это солнце с пятью его чувствами всеми —
Я не в силах последнюю вспышку снести.
И прости, наконец, и уже навсегда отпусти
Эту слабую птицу, что крылья в полете сожгла,
Не приемля судьбы неизбежной всеильное бремя.
...Слишком рано, Мария, всходила звезда в Вифлееме,
И земля безнадежная Сына так долго ждала.

КАНОН

Есть время смерти у любви твоей.
И Страшный Суд не притча во языцах.
Конца времен последний из людей
Окажется случайным очевидцем.

Срок подойдет. Исполнится, увы,
И сбудется написанное Слово.
И звезд глаза закроются, мертвы
Для глаз людских и разума живого.

Так значит все? И прав Екклесиаст?
И сгинет жизни суетное семя,
Которое Творец огню предаст?

...Смотри, как в огнедышащую тьму,
Все в ключьях пепла, в гибельном дыму,
Твою любовь несет и душит Время.

И смерть, как Ангел, предстоит Ему!

1975

МОЛЧАНИЕ

Ты, виноград Эллады полновесный,
Перебродил на дорогие книги.
В разбитом торсе безголовой Ники
Мне облик твари мнится бессловесный.
Тебе толчки подземные не внове ль? —
Гримасничает циферблат-ублюдок.
Сосуд прекрасный время полнит вровень
С эпохою, теряющей рассудок.
И острый лавр, и нежные оливы
Дионисийский ветер гнет с разбега.
И кровь твоя скудеет терпеливо
Под хлороформом варварского снега.

Ты за лето окрепла статью.
Так помедли. Замри на миг
В ослепительном этом платье,
Что взлетает у ног твоих.
С шумом пена к тебе стремится.
Ты в свету с головы до пят,
И песка на ветру крупицы,
Словно дождь золотой, слепят,
Ты по солнцу тянулась телом,
Целокупным, под небом целым
В гул, и пепел, и пыл слепой.
Это было в прибое белом.
На глазах убывал прибой.
И скользила лазури мимо
(Вспять на память себя верни)
По лицу твоему незримо
Прядь волос у ресниц в тени.
Память поступи постепенной.

Погребенные влагой бренной,
Города из песка и пены
Пред тобою опять встают —
В дуновенье воды мгновенной
Жизнелюбы, жрецы, спортсмены
В узких лодках стремясь, поют.
Взмахи весел. Волной колышим,
Чей-то смех далеко затих.
Что же боли моей превыше,
Тише, трепетней рук твоих?
Золотого дождя Даная,
Я тебя не узнаю, нет.
Неужели, скажи, иная
Появляешься ты на свет,
Возникая из мглы и пены
Вновь на муку, на Страшный Суд...
Жизнелюбы, жрецы, спортсмены,
Удаляясь, дружной поют.

...Там, вдали, мир забот и выгод.
Гребня города крепнет твердь.
И поспешней, чем вдох и выдох,
Сочетаются жизнь и смерть.

Так случайны огни залива,
Наши тени длинней видны.
Торопливый уход прилива,
Убегающий свет луны.
Так живи. Умирай со всеми.
Пей изменчивый воздух всласть.
Так шуршит, осыпаясь, время,
Так спешит задохнуться страсть.
Привкус слез на губах соленый.
Ночь повсюду, как зверь, близка.
И дрожит от воды студеной
Золотой лепесток пупка.

В. Жиганову

Вот мужчина и женщина,
беззащитные друг перед другом,
И напрасно пытаются слиться их бедные тени.
И луна насыщается цветом зеленым над лугом,
Где они обнялись в безнадежной попытке спасенья.

Свет срезает траву — серебром изумруд обесцвечен.
Густо косит безжалостный серп високосного года.
Дай неверия мне на ущербе, что мир долговечен,
Но помилуй невечных любовников этих, природа.

Ведь никто не спасется,
и в танце взметнутся венчальном
Пары легких теней, исчезая над скошенным лугом,
И оскалится череп луны над любовью прощальной,
Над мужчиной и женщиной,
беззащитными друг перед другом.

1980

СОНЕТ 33

Еще былой надежды не известь,
Как нам о том твердит рассудок косный,
Хотя в крови меж извести межкостной
Есть тяжкий опыт и усталость есть.

Что в эту жизнь сумели мы привнесть?
Нет и следа от боли светоносной.
И понял я, что в этой распре злостной
И страсть к тебе напоминала мечь!

Земная жизнь! Дойдя до сердцевины,
Ты в средоточье годовых колец.
До черной точки сжался срок срединный

Двоих полурастерзанных сердец,
Обугленных уже наполовину,
Едва ли не погубленных вконец.

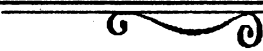

И. М.

У же подымается мерное Мертвое море,
Чья гиблая влага любую слезу растворит.
Но даже и в Судные дни одичанья и горя
Я буду молиться: Судьба тебя да сохранит!

Прощай, не увидимся больше. На свете чужом
Я слез не таю и последнюю нежность не прячу —
Затем, что была ты последним моим рубежом —
Синайской стеною отчаянья, горя и плача!

1980

Сестра и тайна нашего родства,
Праматерь благодетельного сада,
Еще свистит последняя дриада,
Но вымирает новая листва.

В закате растворилась синева,
И лунный свет пятнает мех менады.
Но смешан смех с изрядной долей яда,
И высохла дурманная трава.

Лицо Юдифи меркнет меж ветвей.
Ее кровосмесительное лоно
Ждет новых разрушительных страстей.

Короткий меч блистает потаенно,
И все хрипит над трупом Актеона
Вакханками растерзанный Орфей!

Города никто не спасет.
Где твоя жена, бедный Лот?
За твоей спиной, вдалеке,
Человек застыл в столбняке.
Как легко остыть на ходу,
Превратиться в стебель, в звезду,
В бабочку с узором двойным,
Или стать столбом соляным —

Горькой аллегорией слез...
И остался праздный вопрос,
Что такое убыль и быль,
Что такое память и пыль,
Если только разум и плоть
Превращает в пепел Господь.
А толковый камень и боль
Обращает в Слово и Соль.

1980

ВЕЧНЫЙ ЖИД

Смейся ли, плачь, завидуй,
Падай на поле боя,
Быть тебе Вечным Жидом —
Спорить с самим собою.
Вечным — да будет Слово,
Встречным — вчерашний идол.
Выбора нет иного —
Быть тебе Вечным Жидом.
Смерти не ведать сроду.
Встанет родня из праха.
Вновь наступают годы
Войн, нищеты и страха.
Близится срок убоя,
Кровью живой скудея.
Нет никого с тобою,
Первый из иудеев.

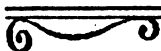
Нет ни ада, ни рая,
Ни звезды, ни ночлега.
Небо родного края
Давит дождем и снегом.
В хатах не пахнет житом.
Кто там с любовью к людям?
Быть тебе Вечным Жидом,
Вспомним тебя, забудем.
Вечным — да будет Слово.
Идола свалит идол.
Выбора нет иного —
Быть тебе Вечным Жидом!

И С Л А М

Э то солнца рыжий пах
Распалается упрямо,
И поет живучий прах
О воспрянувшей в песках
Жгучей страсти Авраама:
Здесь, найдя земную ось,
Ты застыл в потоке света,
И стрелю минарета
Небо ранено насквозь.

1991

И раскрывается цветок
В глубинах нежной Евразии,
И, не страдая косоглазием,
Глядит на Запад и Восток.

Гессидан

~~ДОН~~ ~~ЖУЛИ~~ В ТОЛЕДО

Зубчатая ночь над вершинами леса.
Червленого неба сверкает броня.
И только луна, как пята Ахиллеса,
Да время цыганит, меняя коня.

II

Звучит партитура подземного гула.
Спят злоба и ненависть. Бодрствует страсть.
И случай распластан в луче караула.
Блестит револьвера холеная масть.

III

Дорога легла рубежами чужими.
И сердце свободно. Но вскрыта плита,
Где стынет давно позабытое имя,
И давит, как небо, его темнота.

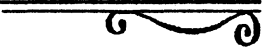
1973.1990

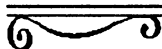
**МОНОЛОГ
УМЕРШЕГО СЛУЧАЙНОЙ
СМЕРТЬЮ**

Памяти Сережи Мохова

От луны, ли от вина ли
Эти очи полиняли.
Губы синие остыли.
Кто узнает, не меня ли
Этой ночью хоронили?
Я забыл о том, что было,
Я не ведаю, что будет.
Гасли дивные светила.
Полночь била в белый бубен.
Я и в первый раз, как в сотый,
Ледяной и малохольный.
...Появлялись идиоты
В длинных белых балахонах.

Вижу, вижу их тела
С факелами в синем зале,
Как они тогда свершали
Свои черные дела!
Тихо щупали мой пульс,
Что недвижим был на зло им.
Череп мой был свеж, но пуст
И дышал благим покоем.
А на сером одеяле
Тело брошенное стыло,
И к нему охладевали
Безымянные светила.

СМЕРТЬ ПОЭЗИИ

О. М.

В густой, чернильной тьме изнаночно-белы,
Как спины черных крыс, равняются валы.
И глохнет небосвод. И в сумраке тяжелом
Застыл портовый кран огромным богомолom,
Нависнув над хребтом расколотой скалы.

Отходит теплоход. Огни, огни, огни
От берега бегут в тоске совокуплѣнья.
В искусственной ночи теперь кишат они,
Зашитые в мешок земного притяженья.

Уже неразличим береговой гранит.
Стираются следы известняка и мела,
И море-душегуб старательно хранит
Ворованную соль дыхания Гомера.

1967.1990

Л Е Т Н И Й С А Д

Как старая живопись, редкие липы и клены,
Темнея от времени, в клетке стоят золотой.
Под огненным веком и сумрачным оком дракона
Их век непомерный последней горит красотой.
И тени ложатся у матовых глаз Аполлона,
Чьи веки тяжелые остановились навек...
И ветер, освистанный пеньем стрелы оперенной,
Былого движения длит остановленный бег.
Сплетается в кольца и множится тело Пифона,
И дышат беспамятством главы пылающих лет.
Где старая живопись, жизнь, животворное лоно,
Слепого дождя золотисто-коричневый свет?
О, сад баснословный! Не жди и напрасно не требуй
У дряхлых корней обновленья скудеющих жил
Под этим неразвитым северо-западным небом,
Где бронзовый Будда багровые веки смежил.

1977

ЛЕНИНГРАДУ

Ты — только тень величия былого.
Горит Нева и ширится, как бред,
Струя огней ознобный полусвет:
Ты — тяжким камнем явленное слово,
Заученный классический сонет
О том, что минуло
И не вернется
Снова.

II
Зачем же ты мерещишься все чаще
Бегущего сознания на краю?
Еще живой, уже ненастоящий,
Ты — на крови стоящий,
На корню
Горящий!

III

Смотри, как меркнет ослепление злое.
Стоит Исаакий в золотом свету,
Уже готовый рухнуть в темноту
С минувшим веком,
Рухнувшим
С Тобою.

1975

Вышка, вешка, век двадцатый...
Перестрочен до прорех,
Сквозь вселенскую заплату
Решкой выпал человек.
...Речи первородный грех:
«Истрепались дух и тело».
Но у крайнего предела
Кто заплатит за ночлег?
Будет сон тяжел и душен.
Но поверится с трудом,
Что и впрямь огонь потушен,
Что остыл Очаг и Дом;
Что померкли, холодея,
Очи старого отца.
Головешка Прометея
Дочадила до конца.

Теснились горы на холсте.
Пространство в этой тесноте
Террасами группировалось.
Закат закатывал глаза,
И языкатая гроза
Короткой бранью разряжалась.

Был слышен долгий гул внизу,
И он усиливал грозу,
Как бы дробясь и рушась рядом.
Был образ потемневших глыб,
Как облик полумертвых рыб,
Но долгожданный дождь не падал.

Не падал. Не хотел упасть.
И глухо крепла чья-то власть
И тучи сталкивала лбами.
Сам Бог — страдающий колосс
Пил сумерки, как купорос,
И мутными кривил губами.

Был ошутим средь этих гор
Природы хаос и террор.
Она давно ждала потопа.
Как череп, остывал закат,
И грома роковой раскат
Чумную потрясал Европу.
Что ~~Апокалипсис~~ ~~времен?~~ —
Один сплошной иллюзион.
И сон дурной — земная слава.
«Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю» —
Заметил Пушкин величаво.

Что грядет с кону брешен

ПРОЩАЙ, СТОЛЕТИЕ

Василию Соболеву

Ветшают вышки сторожевые,
За Волгой бдительно спит Урал;
И брешут во мраке собаки злые,
Где траурный рупор

вчера

орал.

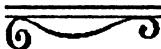
А время привычное дышит кровью,
В огне и во гневе идет распад...

И лишь Богоматерь

глядит с любовью

На сына,

как тысячу лет назад.

**СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ С ФОТОГРАФИИ**

Ю. Д.

И замер я, когда, прикрыв глаза,
Ты первенца неслышно целовала.
Стремился свет вокруг ваших лиц. Цветы
Клонились в изумленьи голубом
Над дорогим и хрупким детским лбом,
А ты к младенцу голову склонила.
Нечаянная, чуткая, в печали
Задумчивой была ты, мать божья.
Тебя писал, быть может, Боттичелли
Одну, с ребенком, в синеве глубокой
Тосканской дали...

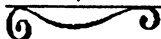
Жалости игла
Тогда вошла в его больное сердце.

СРЕТЕНИЕ

Полине

И даже этот воздух только плоть,
Незрячая, подвижная, живая.
Нет, не из глины создавал Господь
Тебя, мой свет, ночную твердь вскрывая.
Раскрылся свод, как рана ножевая,
И вспыхнул луч в хрусталике глазном.
И все предстало в облике ином:
Опять, как встарь, вода прильнула к суше,
И встретились на свете наши души,
Даря друг друга хлебом и вином.

1980

СТАНСЫ НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

В тебе еще так много жизни скрыто,
Что и во прахе распыленных лет,
Единая, неведомая Вита,
Ты прозреваешь постоянный свет.

II

Еще и зябь во льду и даль размыта,
Но весть уже прослышана: «Очнись!
Сдвинь вековые каменные плиты,
И веточкой буди, мадонна Вита,
Бездонно-холодеющую высь!».

III

Боюсь огня. Крылами шелестит
Сухой сквозняк. И, занавесь вздымая,
Там, у окна, стоит глухонемая.
Кому она отпустит и простит?

IV

Я плачу по тебе, звезда моя!
Не остывай, не меркни, будь здорова
Там, у порога Родины и крова,
Куда иду и возвращаюсь я.

V

Там, у порога Родины и крова,
Куда иду и возвращаюсь я,
Твоя не пресекается основа,
И цепь существования земного,
И ткань извечно новая твоя.

VI

Во мне жива твоя богоподобность,
Чело твое и тень бессонных век.
И на морозе умирает образ,
Чтоб жил в тебе и длился человек.

VII

И если эта ночь давно ослепла,
То лишь тебе одной дано взойти
Из прошлого и будущего пепла
Над бездорожьем Млечного Пути.

1988

**СТИХИ
И ПОЭМЫ**

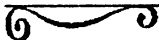

НАПОМИНАНИЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Так резок свет высокой синевы.
И облака, косматые и злые,
Как будто кони, кони вороные,
Вброд переходят марево травы.
В полдневный зной крапива и репей
Вновь слышат гул и грохот отдаленный.
Опять летят лихие эскадроны
В сухую грусть украинских степей.
Горит чабрец. И сотнями копыт
Измята в кровь поруганная мята.
Багровый конь в багровой тьме заката
Водя глазами, бешено храпит.
Лети, лети! Не сдержат удила
Твоей любви губительного лёта.
Ты, братства песнь, бросала и вела
Охрипшие, измотанные роты

Землею, раскаленной добела,
В чахоточной горячке пулемета.
Поверх голов Интернационал
Померк в пыли утраченной дороги,
Но крепко спит, в траве раскинув ноги,
Юнец-комбриг, сраженный наповал.
И жизнь — как сабли гибельный размах!
Одна секунда — вечности подобна.
Поет труба печально и подробно,
И привкус меди стынет на губах.
И только ветер, свежий и живой,
Шуршит травой, полегшей от пожара,
И муравей—философ кочевой,
Снует в траве у шлема комиссара.
Он с удивленьем смотрит на звезду,
Таша былинку, пахнущую дымом.
И замирает в горестном ладу
С моей балладой... Тонко и незримо
Скорбит кузнечик... И — разорвалась
Нить бытия в кровавой круговерти
Былых сражений, славы и бессмертья —
Живых и мертвых родственная связь...

1966.1989

СЕМЕН ДЕЖНЕВ
(Фрагменты)

О, Азия, себя тобою мучу.

В. Хлебников

На обрывистом, резком берегу Нижне-Колымского зимовья суетятся купцы, промышленные люди, поморы. Вдали видны силуэты приземистых кочей. Изредка море высоко приподымает их, и тогда оживают изображения животных. Мелькают распушенные по ветру малицы тунгусов. Легкий ветер далеко разносит хищные высвисты чаек. Кочи отплывают. Постепенно приближаются лица гребцов. Сверху кажется: семь маленьких белых зверьков клюют синюю плоть моря.

Погрузили последние кочи.

Шапки долго взмывали вдали.

И не ведали, что напророчит

Свежий ветер заветной земли.

В синеве наступающей ночи
Отошли.
Было холодно и одиноко,
Хоть трепало по разным морям,
Но шалеющий ветер востока
Одурял.
Не жалели, не плакали, плыли.
Не прикажешь глазам: не гляди.
Сабли звякали. Взгляды были
Позади.
Много их, и беглых и вольных,
Кем-то испокон недовольных
От Днепра, и Дона, и Волги
Устремились на север, сюда,
Чтоб потом воротиться с повинной,
С дорогою сибирской пушниной, —
Там, гляди, и простит государь!
Кочевали, далеко отчалив.
Берег тлел и во мгле пропадал.
И бывало: прибой печали
Перекатывался по рядам.
К берегам и морозным, и трудным,
На неведомый мыс Анадырь
Шла бездомная русская удаль
Усмирять неумную ширь.

Здравствуй, край неизбывного злата,
Очарованная земля.
Ермаковы дружины когда-то
Как пугали твои соболя!
Узнавали тебя по азам,
По Тоболу, по буйной Оби,
По твоим азиатским глазам,
О, Сибирь!
Бил в глаза ослепительный наст.
Стлался по снегу бег языков.
Добирались на лыжах не раз
До моржовых твоих берегов.
Знать, не скоро она, Погоча.
Так прощались с последним зимовьем,
Где отчаянно чайки кричат,
Постепенно скрываясь за морем.

II

Лето 1647. Острог.

Фома Пермяк:

— Ходили дважды мы к Головину.

Неужто не позволит

Отправиться на Анадырь?

Голос:

— Челом бить государю надо.

Фома Пермьяк:

— Побег — единое спасенье

От жизни каторжной — побег!

Мне сказывали, Мезенец Исай

Добрался до Айона за два дня,

Там чукчей повстречал и рыба зуба

Привез в Нижне-Колымск довольно.

Голос:

— И нам повезет, когда найдем соболью реку

Погочу: надобно немедля всем

присоединиться к Попову.

Или сгнивать в подвалах Головина, иль в новый
поход готовиться.

Фома Пермьяк:

— Попов назначил Дежнева приказным

По сбору ясака.

Он нас возьмет.

Голос:

— Руби ворота!

Фома Пермьяк:

— И бунт простится государем, когда с добычею
придем.

Разъяренные казаки врываются во двор Головина. На железной лавке валяется избитое до полусмерти тело Павла Краснова. Испуганный палач пятится к подгнившему хлеву, где мычит неокормленная скотина. Казаки замечают его и с криками зарубывают. Несколько минут сабли пляшут и по скотине. В доме пусто. Головина нет нигде. Казаки с награбленным добром исчезают.

III

Море. Глазам больно, такое море! И солнце золотою вязью вьется по синему полотну.

1965

ДЖОРДАНО БРУНО
(манихейская притча)

Б. Фельдману

Есть область предания — круга земного
Достигли блаженные ангелы дня,
Но тени отрадные мрака ночного
Прохладою тайной томилы меня.
Но тени исчезли. И ночи не стало.
И солнца уже раскалялось жерло.
И людям дыханья в груди не хватало,
Но солнце сияло, сверкало и жгло.
Был день, ограниченный ходом и кругом
Земных представлений о ходе светил.
И разум людской, омраченный недугом,
Молился и плакал о тени, с испугом
Взирая на солнце.

Но мрак наступил.
Но солнце зашло, закатилось, исчезло.
И холодом лютым дохнуло из тьмы,
Где ангелы ночи восстали из бездны,
Объяты дыханием вечной зимы.
...И в нашем рассудочном веке железном
От страха смутились людские умы.

1965.1970

ДОМ 47
(поэма)

Ю. К.

Средь рытвин века только ритм
Скачкообразного движенья
В провалах головокруенья
Поэта сердце сохранит.

I
Сойду по набережной, вниз,
К овражным улочкам на грани
Уничтоженья. Крайний срок
Их жизни, видимо, истек —
Как будто кто-то бродит близ
Еще живых воспоминаний,
Но держится на расстояньи.

Едва задерживают взгляд
Плетни, заборы, ряд оград
И наклонившихся домишек —

Зимой, продрогшие до ниток,
Они, нахохлившись, стоят —
Плетни, заборы, ряд оград.

Есть Каменка, и Лозовая есть,
Литейная и Ломовая,
Но никогда не слышно здесь
Звонков грохочущих трамвая.
Овраги и чертополох
Расположились вдоль дорог,
И смотрит косо между строк
Забытый мной пивной ларек.

Телега изредка мелькнет,
Вздремнет читатель откровенно —
Ведь беден мой пейзаж, наверно,
Как скучной повести исход.

II

Дом 47. О, сколько раз
Все повторяющий пейзаж
Напоминал об этом доме
Пожатьем каменной ладони
И тяжестью стеклянных глаз!

Но я любил его, когда
В снегу весь двор, под снегом лодки,
И нарастают струпья льда.
У индевеющей колонки.
И берега реки вдали
Сомкнулись, как кольцо двестишья,
И мост взметнулся ввысь и стиснул
Стальные пальцы... Затекли
По локоть руки... И в испуге
Надбровных мышц тугие дуги
Тенями вниз на лед легли.
Стучал состав. И таял дым,
И уходил от паровоза.
И покрывал нагар мороза
Тот дом, куда я уходил.

III

Дом 47. Опять к тебе.
Дат иногда досадна точность.
Так тяжело ложится точка
И продолжительно — тире.
Тень лампы тает на столе.
Задул огонь — и вон из строчки.
Так тяжело ложится точка
И продолжительно — тире.

IV

Дом 47, я знал подчас,
Что жизнь твоя, давно не внове,
Вся держится на честном слове
И все ж обманывает нас.

Ты пробуждался и гудел
(чуть было не сказал: «Как улей»,
Но в будничном, безличном гуле
Я оказался не у дел).

Еще любимая спала.
Ворча, ворочались кастрюли
На кухне. Отступала мгла
От стен и окон тусклых улиц.

И стук колес звучал сквозь мглу,
И звук выхватывал из мрака
Всю комнату в свету двойком
И отступал, дробясь в углу.

V

Ступени, вздрогнув, заскрипят
И давней болью дом наполнят,

Где в постоянстве старых комнат,
Опомнясь, памяти не в лад

Болят стихи мои, болят,
И пресловутый лад баллад
Остановиться не велит
И длит разлуку — муку длит.

И жизнь, отпетая навзрыд
В просторе железнодорожном,
Не покидает дом порожний...

Шлагбаум поднят — путь открыт!

1966—1976

ЖИТИЕ СОВРЕМЕННОГО

Время идет, уничтожая свои следы.

Р. Тагор

Настенных часов сокрушительный бой
Над старым комодом с немецкой резьбой.
Судьбы на обоях славянская вязь.
Здесь жизнь начиналась и здесь прервалась.
Был прадед евреем и выкрестом дед,
В свой срок и отец появился на свет,
А там уже ты заорал из пелен —
Герой и наследник жестоких времен.

II

От плача качнулись окно и стена,
Когда ты очнулся от сладкого сна,
Отринут навек от родной темноты,
Покуда лица проступали черты

Из тьмы негатива...

И жалкий старик

Возник предо мною и в душу проник.

Быть может, двойник, а быть может, и брат —

Он долгому Веку давно уж не рад.

О, Боже, во что превращаемся мы,

Едва появляясь из мрака на свет,

Исполненный той многоликой Чумы,

Где странно подобен предмету предмет.

А в детстве была ли нам радость дана? —

Акации ветка у края окна

Одна осеняла твою колыбель,

И мальчик с балкона пускал голубей.

Он вырос. И, в рифму слагая слова,

Он лгать научился. Его голова

Круглилась, линия, в табачном дыму.

И ранняя старость явилась ему.

III

Откуда и кто ты, я думал порой, —

Прошедший свой путь по избитым следам,

Мой брат, современник, неважный Герой, —

Откуда и кто мы — неведомо нам!

И все же отыщется в доме любом,
Как Библия, пыльный семейный альбом.
Вглядимся попристальней в лица родных:
У мертвых — родимые пятна живых,
Живые исчезли в беспамятной мгле —
Зачем они жили на этой земле?
По детям погибшим рыдает Рахиль.
Вдыхая рассеянья пепел и пыль,
На ближней войне, иль в полярном аду
Пропали они в безымянном году.
Но это ведь мы, сквозь погибель и дым,
Потомкам в глаза ледяные глядим
Сквозь годы, чреватые близкой бедой...
О, дерево рода над черной водой!
В потоке рождений, в потоке смертей
Блистало могучее древо в цвету,
Но цвет осыпался с высоких ветвей,
Багровою пеной сходя в темноту.
С годами не стало побегов живых.
И древо склонилось над черной водой
С останками сгубленных гнезд родовых,
Откуда птенцы унеслись чередой.

IV

Начала столетья тащилась арба.
Грозил горизонт, накаляясь вдали,
В Полтавской губернии выжечь хлеба,
И плавало солнце в горячей пыли.
Был кровью удобрен родной чернозем.
На почве, с разводами соли и слез,
Уже разрушался отеческий дом,
Где жил и держался за жизнь малоросс.
Местечки свои покидали жида.
Картавил империи русской орел,
И касок тевтонских сверкали ряды
Средь мертвого жита украинских сел.

V

Отец... Он глядит с фотографий былых
Во славе и мужестве лет молодых,
Как будто в буденовке с красной звездой
Идет на последний решительный бой.
Померкла тогда, погружаясь во тьму,
Звезда Вифлеема в багровом дыму,
Лишь пепел бесплодный осел на полях,
И голод с разрухою вышли на шлях.
И в старых колодцах не стало воды.
Обуглились злаки, пожухли сады.

И смрадом далеко разящей беды
Бойца продотряда дышали следы...
Тюремщик и узник, сквозь взрывы церквей,
Во имя всемирного братства людей.
Презревший течение крови своей,
Мечтатель-хохол и прямой иудей,
Отец-победитель, ты сыном судим,
Неверным и слабым потомком твоим.
Кого миновал всепогибельный мор —
Повальных тридцатых годов приговор?
Кто ж это убойное время постиг? —
Как рыскали ироды в яслях пустых.
Лишь ветер свистел над буграми могил...
О, пыль пятилеток... О, бешеный пыл!
О, молодость Века и юность отца —
Последний, решительный бой без конца —
Ударного времени яростный хрип...
...В бою под Берлином ослепнет Эдип.

VI

Угарная послевоенная мгла...
Темнеют обои казенных квартир.
Над дымом и чадом родного угла
Все щурится наш всенародный кумир.

У старшей сестры подымается жар.
До света торопится мать на базар.
С утра на вокзале поет инвалид —
Увечное время протезом скрипит.
И ветер, взметающий уличный сор,
Врывается в школьный пустой коридор,
В сортир, провонявший дурным табаком,
Где юноши всласть сквернословят тайком.
Шпартгалки. Отрывки из песен блатных.
О, вечные мальчики лет продувных!
Размытые, тусклые лица скопцов,
Бунтующей плоти томительный зов,
И зуд стихотворчества, сладостный зуд.
...Стоял новостей нескончаемый гуд:
О том, что подавлен венгерский мятеж,
Что танковый корпус вошел в Будапешт,
Что вновь заморожен державный заем, —
И все же теплеет отеческий дом.
Сменялись портреты. Мельчали рубли.
И гений народа валялся в пыли.
Роились поэты. Дичали умы.
О, признаки пира во время Чумы!
Уже отражались в разливе Яндзы
Змеиные головы желтой грозы,

И в ливне гудел переделкинский мрак,
Когда на заре умирал Пастернак.
Но смутное небо дышало весной,
На улице воздух синел слюдяной
Сквозь слезы капли смеялся апрель,
Весны Боттичелли звучала свирель.
А в мае уже осыпалась сирень.
С акации белой летела пыльца,
И вечер субботний увенчивал день
И запахом «Шипра» касался лица.
Мерцала Венера над летним кино.
«Амурские волны» затихли давно.
И только белеет в тумане былом
Ладья пьедестала... И дева с веслом
Стремится в тумане... Куда же нам плыть?
И где берега? И кому одолеть
Великого времени похоть и прыть —
Двадцатого века последнюю треть?

VII

... И сжалось пространство до точки пустой.
Во тьме, отсекая версту за верстой,
Курьерского поезда гул нарастал —
В столицу российскую мчался состав.

И вслед перегону летел перегон,
Шатался на рельсовых стыках вагон,
И в окнах купе озарен ночником,
Метался Герой со своим двойником.
Лицо промелькалось. Но были видны
Черты, искаженные чувством вины,
И слезы бессилья текли по лицу.
И жизнь к своему приближалась концу.
В огромных просторах, вовсю мельтеша,
Кривилась, ломалась, носилась душа,
И плакал летящий в окне имярек,
В полях и сугробах затерян навек...
Сбегались разбитые вдрызг колеи,
Слетались бесчисленных бесов рои,
И в голосе вьюги, в тоске верстовой
Опять раздавался их тягостный вой...
И время, всеильное время рвалось,
В ночи пелелище родное неслось,
Чадила зола. И качнулся ночник,
Когда от себя отшатнулся двойник...

* * *

...Рифмач-летописец, помочь поспеши
Воспеть эту бледную немочь души,

Познавшей раскаянья жгучую боль.
О, раннего старчества белая моль!

VIII

Так свет неизменно нисходит во тьму.
«Позор разоренья в родимом дому!» —
Воскликнул Вития с поспешностью злой,
Судья и потомок обиды былой.
В морозной Москве, средь охрипших кликуш,
Сплошных переростков, загубленных душ,
Он крикнул, неведомо даже кому:
— Желаю погибели дому сему!
Но дом устоял...

И отчаянный крик
Не сдвинул зазубренных стен крепостных.
Лишь месяц стоял над погостом чужим.
И вечные звезды. И облачный дым.

1983

**СТИХИ
РАЗНЫХ
ЛЕТ**

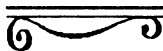
В. К.

Ко мне пришел усталый человек
И положил у входа акварели,
Предупредив о том, что будет снег,
Что листья умерли и отгорели;

Что с ранней тьмой свыкаются глаза,
А за окном, темно и нелюдимо,
Смеркались, угасая, голоса.
Горели листья. Тонко пахло дымом.

И был закат прозрачен и далек —
Он остывал в окне светло и слепо.
И на столе моем лежал листок —
Холодный слепок умершего лета.

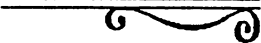
1966

Снежок непрошенный, порожний,
Как жилы, берег обнажил.
Я самого себя, быть может, пережил
И выжил, может быть, при этом невозможный.

...Лед, сокрушаясь, камни оголяет.
Песок прибрежный брезжит из-под льда.
Скулит новорожденная вода
И в берег тычется и, значит, жить желает.

1970

Когда стемнело, я пошел на почту,
И первый снег застал меня врасплох,
Он жил тайком во времени непрочном,
И был незван, нечаян, одинок.

Вот прошлой жизни слепок и лубок:
Письмо. Свеча. И долгой зимней ночью
В косом луче протянутый воочью,
Снег памяти летит на твой порог.

Прощай. Уже написан эпилог.
Песок, как пульс, истек в часах песочных.
Над жизнью ржавой с привкусом чужим

Капель таится в трубах водосточных.
И белых мух редеем многоточье
Над уходящим именем твоим.

ВЕСНА В ПРИГОРОДЕ

Ю. Ф. Лепещенко

...**И** вот вокзала дымный очерк
Из мглы и копоти встает.
И шумный пригород грохочет,
Как будто отдышаться хочет
И поезд отправленья ждет.
...Вот мчится, убыстря ход,
И пассажиры умолкают,
А в окнах поезда мелькает
Азотно-туковый завод.
Вновь содрогаются мосты.
В ушах звучат колес пассажи.
И наяву теперь черты
Индустриального пейзажа.
Свежо дыхание реки.

Рабочие-портовики
Идут, усталые, со смены.
К реке, груженные цементом,
Спускаются грузовики,
Огни Днепродзержинской ГЭС,
Земной затягивая пояс,
К земле теряют интерес,
И гул плотины слышит поезд,
И эхом придорожный лес
Вторит гудку, и отвечает
На сто ладов звончей и злей...
... Последний снег меня встречает
На тихой станции Баглей.

1967.1970

И. Т.

Дождик. Балкон. Цветы.
Только ли в листьях ты?
Ветви. Витые тени.
Губы. Глаза. Колени.
Только ли в каплях ты?
Только ли в листьях лепет
Капель, и платья трепет?
Ласточек оживленье.
Вечера нежный лад.
Близится дождь в томленье
Теплых, литых оград.
Льющийся воздух влажный.
Горлинки стон протяжный.
И по стене к ступеням
Вьющийся виноград.

ПЕРСИДСКИЙ МОТИВ

К. Ц.

Где взмывает над крышами свист стрижа
И лазурь излучает зной,
Ты глядишь, прищурившись, госпожа,
На причудливый город твой.
Виноградом и розами полон дом,
Где бывал пилигрим один.
Попугай сидит на плече твоём —
Тоже маленький господин.
Я б желал, чтобы роза была свежа,
Как и ты, моя госпожа,
Чтоб не смог улететь от тебя в Китай
Окольцованный попугай.

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

В снегу серебрясь, на ветру замирая,
Апрельского неба сияла слюда.
И в горле простуженном пела сырая
И хрупкая колкость заречного льда.
Шел облачный холод, огонь задувая,
Но ярче под ветром горела вода,
И, вербные ветви едва задевая,
Меж ними мелькала и меркла звезда
И путалась в тальнике.

Берег и тайна
И таянья берег другой.
Была ты, как утро, свежа и случайна,
Заплаканный друг дорогой.

Вот и совершилось преступленье:
Я тебя целую в иступленьи.
Нежности взыскующее тело,
Ну, скажи, ты этого хотело?
Или правит нами злая воля,
Будто ветер гонит листья с поля?
Так зачем же в жалком иступленьи
Злая воля молит о прощеньи,
Состраданье мучит душу живу,
Разве эта мука справедлива?
Или в сердце убивает жалость
Смертная, бесплотная усталость?
Или жизнью движет злая воля,
Будто ветер гонит листья с поля?

Душ полночное родство,
Сердца тайная тревога
Вновь толкнет — вернет к порогу
Дня и дома твоего.
Обезлюдевший пустырь.
Камни. Светы. Тени. Своды.
Тусклые до темноты
Лестницы витые ходы.
Стонет тоненькая сталь
На ступеньках в тонком стуке,
Жизни ржавая спираль
Возвращается на круги.
Свист ножа сквозь этажи.
Лестницы дрожат раструбы.
Подорожник положи
На запекшиеся губы.

1970.1974

И. М.

Неуемная в сердце уляжется смута.

И мелькнет за минутой минута, мелькнет

За мгновеньем мгновенье. Черту неуютю

Шпал отчаянье черное перечеркнет.

Просвистит проводами печаль полевая.

Тронет сердце забвенья сухая трава...

...Дальше, дальше, вперед, обо всем забывая:

И любовь, и лицо, и глаза, и слова.

1970

ЭЛЕГИЯ

Ю. К.

Я б выцарапал их на бересте,
Когда бы времени текучая условность
Не смыла строк о друге дорогом
Волной случайной...
Что нас влечет друг к другу — страх потери?
Боязнь расплаты? Близость темноты?
И я смотрю в тоске и недоверье
В ту даль, куда на миг уходишь ты.
Как будто бы отодвигаю детство,
Как лампу на столе, рукою слабой,
И заслоняюсь от него ладонью...

Напрасно.
Свет
И сам
Ослабевает.
И прибывает
Времени работа.
Нас люди и предметы забывают. —
Так страшно на земле любить кого-то.
И только память гложет, как недуг:
Опомнишься, а время на излете,
Когда тебя, как голубя из рук,
Любовь кормила теплым хлебом плоти.

ПОЛЬ ГОГЕН В ЮЖНОЙ СИБИРИ

В. Ф.

Густеет и терпнет настой тишины,
И сосны столетние, темные обликом,
На юную воду глубокой луны
Ложатся безмолвно расплавленным облаком.
Как в обморок падая, в красной тени
Они образуют багровые круги.
И меркнут, навек умирая друг в друге,
И медленно вновь оживают они.
Как будто себя вспоминает природа,
И плавает перед глазами туман,
И полнится млечной водой небосвода,
Незыблемых звезд молодой океан.
Гудит, остывая, недалнее поле,
И вторят минорному реву коров
Просторы отчаянья, света и боли
Прощальными звонами колоколов.

ВЕСНА В РОССИИ

Скупою, снежною крупую
Ты с неба сеешь, пыля
Тоской и скукою слепую
В пустые, зимние поля.
И надрывается земля,
Неся сквозь звездную коросту
Все те же тюрьмы и погосты,
Казармы и госпиталя.

1969

К ВОЛОДЕ

Когда, не зная адресата,
Ко мне вернулись письма брата,
А с ними давняя баллада,
В которой длилась жизнь моя,
Я прятался за гранью сада
От грубой брани бытия.
Я слышал выкрики ворон.
Больничный двор, как в панораме,
Захваченный тремя ветрами,
Был виден сразу с трех сторон.
Был круг. Я узнавал себя
В кругу. Горбатая судьба,
Ты отстоять себя страшилась;
Под дудку осени трубя,
Ты птицею за тучу скрылась.
Ограды. Мрак. И сквозь забор
Провинциальный разговор
Домашних уток шуры-муры.
Пересекают узкий двор
Чернилом меченые куры.

Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил...

А. С. Пушкин

ГЕРОЙ
(Из романа)

Да, мой герой труслив бывал порой,
Но все же в жизни преуспел немного.
Нам иногда бывает одиноко, —
Он не был одиноким, мой герой.
...Бывает так, что снится сон во сне —
Вот так и благо жизненного шага,
И жизни смысл, и юности отвага —
Осадок, выпадающий на дне
Бокала, что не допил мой бедняга.
...Совпало наше детство с суетой
Усталого от потрясений века,
С его многозначительностью некой,
Скорей — разоблачительной тщетой.

О, краткий исторический сквозняк,
Как детские ты души взлихорадил,
Как ты гулял по книгам и тетрадям,
Гудя склерозом в старческих костях!
Взрослели мы и ждали новостей —
Их меньше становилось год от года,
Но что страшней губительной свободы
Сполна разочарованных детей
В делах отцов и в милостях природы?
...Ты выбрал смерть по вкусу и уму
С тревогой совести, как будто не избытой.
А мы пошли дорогою избитой
Шагать по жизни, врозь, по одному!

1976

ЦВЕТЫ ЗЛА

Все формы жизни, кажется, изжиты.
И вот, минуя ряд метаморфоз,
Стремлений наших, помыслов и грез
Взошли цветы, нежны и ядовиты.

Прошел летучей юности наркоз,
И дружба, и любовь давно избыты.
В быту мы все лжецы и паразиты,
А время мчит, как поезд под откос.

Но живы мы...

1976

НОЧЬ ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА

М. Б.

Аукнулось — и ни гу-гу.
И гость молчит, глаза потупя.
Вода вскипает на снегу,
Перетолкованная в ступе.
И взбудоражены Весы,
А это признак Страшной мести,
И явно тронулись часы
В одном украинском поместье.
На сковородке у Творца
Желток луны вспухал багрово,
И длилась, длилась без конца
Зимы безмолвная розмова.
К размолвке дело. Соизволь
Прочь убираться на рассвете!
До судорог земную соль
Просеют призрачные сети.

Петух, слетающий с шестка,
Икает, крылья распуская,
Но если нежность велика,
То беспредельна спесь мужская.
...Еще, вздымая хохолок,
Сопит пронырливый зверек,
Но шкурка жизненная стынет.
А ночь горит миллионом плах,
Где проступил Чумацкий шлях
В кристаллах дымчатых и синих.

1973. 1988

Івану Сокульському

День предивний. Осінь. Сум.
Листя стримує тремтіння.
Й палить неба синій струм
Скрізь яскраве павутиння
Сяюче — прозорих дум.
Золотаве, запашне,
Листя падає поволі,
І приваблює мене
Ця пора краси і болі.
Все минає. Все мине.
І дерева видночолі.
Пам'ятаю: я малий,
Листя у саду збираю.
Ваблять пахощі землі,
І луна ледь-ледь лунає,
І зникає десь в імлі.
Все мине. Не все минає.
Бо палаюча вода,
Як в дитинстві, вабить очі.
Серпень скоса погляда,
Як зникає молода
Лагідна хода жіноча.

1969

ЛИНИ

Юрию Буряку

Долгие взоры.
Чуткие сны
В августе, в пору
Света луны.
Света просторы.
Трепет волны
В августе, в пору
Света луны.
Это в подлунье
Ходят линии.
Но холодны
И пугливы они...
Невода сети
Ждут их всегда.
В призрачном свете
Блещет вода.
...Тихие хоры
Еле слышны
В августе, в пору
Света луны.

ПОСЛАНИЕ В БОЛЬНИЦУ

Н. М.

Да не прервется бытие:
Ты — трепет юношеской крови,
Ты — солнце утренней любви,
Ты — предзакатный свет ее,
Ты — жизни зов, и в этом зове
Все обаяние твое.
...Хранит росистый холодок
Тюльпана огненная чаша.
Прими ж, душа моя, Наташа,
Вот эти десять нежных строк!

АЗИАТСКОМУ ГОРОДУ

И. Мозалевскому

Под луной лукаво-юной
Спят песков седые руны
Ни Европы, ни России
Не осталось на Земле.
...Только вихри кочевые
Да огни сторожевые,
Одинокие и злые
Разбегаются во мгле.

1

Здравствуй, жизненно-желанный,
Изобильный, пыльный, пряный,
Преходящий, неизменный,
Бестолковый и блаженный,
И блаженно-бестолковый...
До рассветного развала
Над тобой витало Слово
Долго небо выцветало.
Долго вился путь шелковый.
Там, заслыша крик павлиний,
Ты на солнце лег в пустыне
Долговечною подковой.

2

Свет торжественно-просторный.
Свет роскошно-постоянный,
Бактрии и Согдианы
Розовеющий песок.
В глубине речной долины
Белый храм из белой глины,
Верно, видели кушаны,
Обращаясь на восток.

3

Под великим небосводом,
Погруженный в долгий сон,
Полный сгинувших народов
И нахлынувших племен,
Ты вобрал различный говор,
Ты забрал меня в полон,
Чудный город, людный город,
Город бледных куполов.

В эту быль вторгнулся Дарий,
Пыль слепила небеса
И торговец на базаре
Прятал тесные глаза.
Здесь, бледнея от обиды,
Рядом с утренней звездой
Увидали Сассаниды
Полумесяц молодой:
Красный отблеск. Топот конный
Света белого резня.
Но свирепый звук Буденный
Ты едва ль припомнишь, сонный
В тишине неразделенной
В равно душном шуме дня.
И в полдневном белом дыме
Я дивлюсь твоим дарам:
Солнце сохнет спелой дыней,
Скоро треснет пополам!

1979. 1984

Эмилю Адельханову

Где сокрушается прибой
У побережий красной глины,
И благородные руины
Покоит воздух голубой,
Черты оседлости любой
Стираются наполовину,
А галилейские долины
Полны бессмертною мольбой, —
Паломник, беженец, изгой,
Там, на дорогах Палестины
Ты вспомяни мой стих недлинный,
Шалом алейхем, дорогой!

1991

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

ИЗ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ ШОТА РУСТАВЕЛИ
«ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ»

Сотворивший твердь и небо волей доблестной своей,
Жизни творческая сила, дух любого существа,
Даровавший бесконечным поколениям людей,
Мирозданию подобный, царский облик божества,
О, Единый, о, Создатель, о, Ваятель дивных тел,
Укрепи меня, дай силу мне восстать над сатаной,
Чтоб греховные соблазны я любовью одолел,
Чтоб над смертью воссияла чистота любви земной!
Как посметь мне петь и славить, как в стихи свои облечь
Льва-Тамар, его десницу и копьё, и щит, и меч?
Кто посмел царицу солнца смертным взором созерцать,
Знает высшее блаженство, чует божью благодать!
Я пою Тамар-царицу, проливая слез потоки.
Поклонялся ей всегда я, был всегда ей верен я,
Кровь моя — мои чернила, а перо — тростник высокий.
Тех, кто слышит эти строки — поразит удар копьё!

НИКОЛОЗ БАРАТАШВИЛИ

МЕРАНИ

Без пути, без дороги Мерани стремительно мчится.
Мне вослед раздается злоокого ворона крик.
Мчись, Мерани, вперед, разрывая любые границы.
Брось на ветер всю черную горечь раздумий моих!

Взмой над острыми гребнями, скалы раздвинь в урагане,
Вторгнись гулом и рокотом в ропот рыдающих рек!
Под ударами ливня и зноя летя, мой Мерани,
Ты оставь позади мой охваченный гибелью век!

Пусть оставлю я Родину, близких по сердцу покину
И уже никогда не увижу отеческий дом,
Там, где солнце Отчизны остынет, зайдя на чужбину,
Только звезды узнают, что в сердце погаснет моем.

Но душа возликует в порыве твоём несравненном,
И любовью окрасится огненно-пенный поток!
Мчись, Мерани, не знает предела твой бег вдохновенный,
Брось на ветер всю горечь сомнений моих и тревог!

Пусть умру не на Родине я, а погибну на воле,
Не оплакан никем и освистан недолею злой!
Пусть могилу мне выроет ворон в покинутом поле.
И стенающий ветер останки засыплет землей!

Буду я не слезами омыт, а небесной грозою,
И меня не родные оплачут, а коршун степной!
Так лети, мой отважный Мерани, на битву с судьбою,
Пусть не будет рабом её всадник испытанный твой!

Пусть умру одиноким, вдали от родимого крова
Пусть войдет мне под сердце разящего рока клинок!
Ты лети, мой Мерани, за грань бездорожья земного,
Брось на ветер всю горечь сомнений моих и тревог!

Ведь не зря из теснин вырывался мой дух иступленный,
И грядущий собрат повторит этот путь за меня!
Он промчится, Мерани, дорогой, тобой проторенной,
И пред черной судьбой своего не осадит коня!

Без пути, без дороги Мерани стремительно мчится.
Мне вослед раздастся злоокого ворона крик.
Мчись, Мерани, вперед, разрывая любые границы,
Брось на ветер всю черную горечь раздумий моих!

СИНИЙ ЦВЕТ

Синий цвет неземной.
Цвет лазури родной.
Твой стоит окоем
В детстве милом моем.

Я уже миновал
Зрелых лет перевал.
Но, признательный сын
Этих синих глубин,

Я люблю горячей
Цвет любимых очей.
Это им небосвод
Синевы придает.

И мечтою томит
Этот гулкий зенит:
Слиться в целости с ним,
Синим цветом моим.

Там не холод, не страх, —
Синий цвет в облаках.
Там, где вечная стынь, —
Всюду млечная синь...

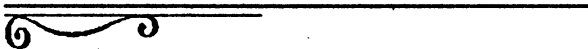
~~...Пусть в туманной тиши,
Там, где вечный покой,
Вешний отсвет души
Вознесется домой!~~

Без огра и крст
Наз гробного овной
Дово мервнннть на
Вознесетс домой.

ВАЖА ПШАВЕЛА

ФИАЛКА

Скажите фиалке моей:
«Недолгая божья отрада,
Зачем ты явилась на свет,
Исполненный зла и распада,
Ведь в мире обманчивом нет
Заветного райского сада.
Молю тебя, скройся во мгле,
Добычею стань перегноя
Укройся хотя бы в земле
От стрел смертоносного зноя!
Земля, я тебе предаю,
Твоей тишине потаенной,
Родную фиалку твою,
Укрой же цветок погребенный».

ИЛЬЯ ЧАВЧАВАДЗЕ

ЭЛЕГИЯ

Был в свете лунном растворен
Страны моей родной простор.
И только брезжила сквозь сон
Неверная граница гор.
Ни слова... никого вокруг.
Заснули все. И ныне спят.
Лишь стон в ночи — гортанный звук...
Но брата зов не слышит брат.
Я был один... О, Боже мой,
Немая Родина моя,
Когда ж очнемся мы с тобой,
Пройдя за грань небытия?

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

ОКРОХАНЫ

Если ты поэт и душой не слаб —
Рассвети, будто неба высь
В Окроханах — вот этим утром хотя б —
Не пиши стихов. Поленись.
Видишь — солнечный раскален гранат.
Кто его напитал огнем? —
В том огне все рифмы твои сгорят,
И обуглится сердце в нем!
Если ты поэт и к тому ж герой —
Погляди на Марабду вниз,
Будто Кер-оглы, этим утром стой,
Не пиши стихов. Поленись.
От толчка ты в страхе готов дрожать,
Ну, а он и молний обстрел

Сам, раскат грозы и грозе под стать, —
Содрогаясь, сносить сумел.
Ну так вот, если истинный ты герой —
Так века промолчать сумей!
Иль внезапную песню фальцетом спой,
Как в Удзо один соловей;
Много нас теперь горемык-певцов,
Каждый, может быть, и неплох.
Только где ж тот стих, что в конце концов
Одолеет обвал эпох?
Так давай же заквасим мацони слов,
И на ослике вниз свезем
Наш товар, что, возможно, совсем не нов,
Но привычен в краю родном.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ

ЛАЗУРЬ, ИЛИ РОЗА В ПЕСКЕ

Божья Мать пречистая, солнце-Мария!
Жизнь моя — сновиденье о розе в песке;
Лепестки ее ливни омыли слепые
И лазурь просияла над ней вдалеке.

Скроет ночь бесконечная горы и поле,
Только если ударит твой свет по глазам,
Изнуренный бессонной тоской алкоголя,
Будто грешница, я припаду к образам.

И, безвольно лицо уронив на ладони,
Я приникну к тяжелым церковным вратам.
Луч рассвета ворвется под своды Сиони,
И встрепешет прозрачными ризами храм!

И тогда я скажу: «Вот стою пред тобою,
Лебедь, раненный ликом твоей красоты.
Так взгляни же, Мадонна, в лицо испитое,
Что так долго и мстительно мучала ты!»

Торжествуй над моим ненавидящим взглядом,
Где когда-то сияла фиалок роса,
А теперь закипают презреньем и ядом
От вина и бессонниц больные глаза!

Так ли, Дева, тебя призывали поэты?
Иль твой образ уже безвозвратно далек,
И у ног твоих в поисках горного света
Умирает душа, как слепой мотылек?

Где ж найти воздаянье потерянной вере,
Если рухнул незримо воздвигнутый град? —
Не остался с тобою в раю Алигьери,
И со мною опять низвергается в ад!

И когда на пути моем встанет однажды
Смерти тень, о проклятой напомнив судьбе,
Даже перед причастием я не возжажду
Твоего утешенья, забыв о тебе..

Жизнь моя промелькнет сновидением пьяным,
Будто дикие кони промчатся в бреду,
Но под небом твоим, прошумев ураганом,
Я в твою милосердную землю сойду.

Божья Мать пречистая, солнце-Мария!
Жизнь моя — сновиденье о розе в песке.
Лепестки ее ливни омыли слепые,
И лазурь просияла над ней вдалеке.

Солнце июня, спаси, милосердное,
Убереги от косы беспощадной
Душу возлюбленной, душу бессмертную,
Что просияла нам светом отрадным!

Рыцарь Грааля, мольбой бескорыстною
Я заклинаю: «Помилуй любимую!
В ожесточенье страданий неистовых,
Солнце июня, любовь пощади мою!»

Пахнет разрытой могилою время —
Время, великой беды накануне.
Нож, занесенный над нами, над всеми —
О, пощади ее, солнце июня!

Солнца июньского медь похоронная!
Солнце, достигнув зенита, почило.
И не закрыты зеницы бессонные...
О, как безропотно гибнет светило!

Солнца июня предсмертное зрение...
О, у него открыты глаза!
Солнце скончалось в ином измерении
И у него открыты глаза!

И, голосам вечереющим внемля,
Там, в угасающем мире сквозя,
Солнце с мольбою взирает на Землю
И у него открыты глаза.

Что ж там случилось? Откуда доносятся
Лиры прощальные звуки: «Навек?»
Струн обрывается разноголосица,
С хохотом мечутся ветер и снег!

И прерывается немощь дыхания...
Или почудилось пение там,
Где так беззвучно секунд убывание
И поминанье по милым теням?

Лето проходит тропой увядания...
Так для чего же, надежда моя,
В это последнее солнцестояние
Вновь возвратился на родину я?

Солнца ль почтить неоплаканный прах
Или испить безутешной печали
В этих глубоких и нежных глазах,
Что голосам серафимов внимали?

О, безнадежного взора слеза!
Тенью становится бархат портьеры...
Всюду открытые стынут глаза —
Это незримо рыдает Церера...

И в глубину этих глаз заглянуть
Жаждет душа, к умиранью готова.
И остается единственный путь:
Смерть — завершение круга земного.

Солнца открытые стынут глаза.
О, у него открыты глаза!
Оно скончалось в иной стороне,
И у него открыты глаза.

ИЗ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ

* * *

*Отчего я люблю ненавидя, быть может
ты спросишь? —*

*Не знаю. Но чувствую рушится что-то в душе
и страдаю.*

* * *

Есть ненависть в моей любви к тебе,
Но отчего? — воскликнешь ты, быть может.
Не знаю. В разрушительной борьбе
Два эти чувства равно сердце гложут.

Из КАТУЛЛА

Дай, Лесбия, припасть к губам твоим,
Чтоб страсти голос стих неутоленный,
Чтоб, наконец, уверился влюбленный
В том, как тобою он еще любим.

Дай губы мне горячие, как медь
Песков ливийских, там, где лазарпций
Один цветет Кирены на границе,
Там, где Аммону велено греметь
Над древней славой Баттовой гробницы.

Как вечных звезд ничей не счислит глаз,
Всевидящих людские наши тайны, —
Вот столько, Лесбия, ты поцелуев дай мне,
Чтоб на земле никто не сглазил нас!

Но терпи, терпи, чересчур далеко
Все зашло...

Сафо.

Далеко, далёко все зашло... И губы,
Как пропела нежная Сафо, вянут,
И терпеть нет сил эту долгую пытку
Нашей невстречи.
Боже, до чего одиноки люди,
Если столько лет все друг друга мучат,
И сойдясь на миг, расстаются тотчас
Навек, на вечность.
Не кричат от боли и с ума не сходят,
Но стареют. Да. Все-таки стареют,
Потому что вспять убегают годы
Любви и надежды.

Музыка лица твоего — жестокость,
Но терпи. Терпи. Чересчур далеко
Все зашло. И вот на последней ноте
Умирает песня.

За порог Аида не ступить Орфею.
Там осталась тень Эвридики милой.
И летит, летит за пределы Леты
Пепел холодный.

**ДЖОВАННИ СТРОЦЦИ
НА «НОЧЬ» МИКЕЛАНДЖЕЛО
БУАНАРОТТИ**

И зваянная в нежных формах сна,
Недвижна «Ночь». Но мастера дыханье
Одушевило это изваянье.
Лишь тронь — с тобой заговорит она.

Ответ Микеланджело:

Оставь ее. Не трогай. Не буди.
Достойней камнем быть, не ведать пробужденья,
Чем с сердцем, каменеющим в груди,
Сносить позор и ужас безвременья.

ИЗ ПЕТРАРКИ

Когда тебя увидел я впервые,
Когда на свет лучистых глаз твоих
Я устремился в искреннем порыве,
Как сердце, время сжалось в краткий миг.

Когда вошла ты в жизнь мою и стих,
Я ощутил, как стонет сердце вживе,
Как ткань его слабеет на разрыве,
Всей глубиною боли я постиг.

Мадонна, страшен мир непробужденный!
Опять лазурь очнулась, умирая.
И вновь колеблет чувственное пламя

И облик твой, годами удаленный,
И край, где звал тебя и пел тебя я
Земными безутешными словами.

ДЖОН КИТС

О, быть и мне б звездою неизменной,
Но нет, не той, что всходит в глубине
Незыблемо зияющей Вселенной
И видит Зёмлю в радужном огне.

В холодной мгле, из тишины безгласной
Ей все равно: следить движенье вод
Иль на холмах свой взор покоить ясный,
Когда сквозь солнце тихо снег идет.

Нет, милый друг, к одной тебе стремиться
Я б вечно жаждал, ласковый, как свет,
И, проникая сквозь твои ресницы,
Грудь волновать, которой краше нет.

И, смертную приемля красоту,
Снять в тебе. Иль кануть в темноту.

Из «ОДЫ К СОЛОВЬЮ»

Разбито сердце песнею твоей,
Мой ум темнеет, будто выпив яда,
Я ухожу в безвестный мир теней,
Заворожен тобою, о дриада.
Нет, я не тронут завистью земной
К твоей судьбе, высокой и счастливой,
Но счастлив слышать горестный напев
 Во мгле лесной,
Где лунный свет скользит пугливо
 Среди деревьев.
О, если б мне теперь вина глотнуть,
Чтоб на губах растаял привкус Флоры,
И подземельный холод хлынул в грудь

Из голубой аттической амфоры.
Чтоб смех надрывный душу мне потряс!
О, если б выпить губы Иппокрены,
О, если б, вспыхнув пламенем живым,
 Уйти тотчас
От этой жизни, трепетной и бренной,
 Как лунный дым.
И воспарить в ту область темноты,
Где только ты звучишь, ночная птаха,
Не ведая болезненной тщеты
Всей нашей жизни, полной слез и страха.
Где никого не пощадит склероз,
Где смерть всегда стоит у изголовья
И где распад души необратим,
Где, подурнев от слез,
Спит красота, убитая любовью,
Развенчанная взглядом ледяным.

ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКА (вариация перевода)

Поэт умоляет свою любовь,
чтобы она ему написала.

Темна, как смерть, любовь и молчалива.
Дай о себе скорей мне знать, родная.
Так плачет роза, лепестки роняя, —
Их ветер в даль относит торопливый.

Но что с тобой и где ты — я не знаю.
Поток пустеет. На краю обрыва
Дрожит и ветви простирает ива,
А лунный свет их гложет, истекая.

Я знаю страсть — в ней горек привкус меда,
И первоцвет змея облюбовала,
И лучшая из весен — миновала,

Но дай, молю, не разлюбить природу,
Иль дай в безумьи ночи небывалой
Войти в твою бестрепетную воду.

Г. ЛОНГФЕЛЛО

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Будь крепкою, о тетива тугая!
Стрела моя, лети, лети в зенит!
Мне твой неведом путь, и я не знаю,
Чье сердце песнь моя внезапно поразит.

Чей взор так остр, что песни проследит
Короткий взлет, и высоту, и убыль...
Но в сердце друга песнь моя гудит
Стрелой, вошедшей в сердцевину дуба!

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

СОНЕТЫ

Чтоб роза красоты не умерла,
Чья зрелость отцветает неизбежно,
Несут ее побеги вдоль ствола
Возможность новой жизни розы нежной.

Но ты, увы, самим собой любим,
Средь изобилья маешься, голодный,
Завороженный обликом своим,
Упрямый враг природы первородной.

Ты наших дней венец и торжество —
Всего лишь вестник прелести мгновенной.
Скупец и мот наследья своего,
Будь добр к себе и сжался над Вселенной!

Иначе — яма, полная червей,
Итогом будет алчности твоей.

Когда твой лоб возьмет в кольцо осады
Сорокалетия возраст роковой,
И красота столь гордого наряда,
Ветшая, станет сорною травой,

Когда подступит старость без отрады,
Как вспомнишь ты, поникнув головой,
О днях былых, о прелести живой
Когда-то столь стремительного взгляда!

О, если бы, на сына указуя,
Ты б с гордостью тогда воскликнуть смог:
«Вот мой ребенок, в чьих глазах живу я,
И с ним я злую старость превозмог!»

И кровь твоя, что стынет с каждым днем,
Вновь жарко вспыхнет в мальчике твоём.

И время, что с улыбкой создает
Земные совершенные черты,
Урочный совершая оборот,
Становится убийцей красоты.

Без усталы идет за годом год,
Ведя за летним солнцем снегопад.
В стволах бескровных цепенеет лед.
Подрубленный морозом, гибнет сад.

Когда бы не остался аромат
В темнице драгоценного стекла,
Все б выстыло, что радовало взгляд,
И память о прекрасном умерла.

Но сок цветов не склонен к забытью
И в новой сути плоть хранит свою.

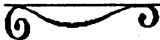

Взгляни на солнца алую главу,
Что ввысь приподнимает небосвод.
Здесь каждый глаз, как будто божеству,
Ему земную почесть воздает.

Потом оно поднимется в зенит
И станет зрелым светом золотым
И блеском полдня взор заворожит
Всех, кто следит и следует за ним.

Когда же вниз с высокой точки той
Оно сойдет, теряя пыл и стать,
Как старец с колесницы золотой,
Кто это солнце станет величать?

Прозри с крутого склона зрелых лет:
Лишь в солнце сына твой воскреснет свет!

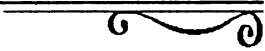
64

Когда я вижу, как легко стереть
С лица земли и обратить во прах
Надменной славы царственную медь:
И обелиск, и пышный саркофаг;

Когда смотрю я, как растет прилив
Вод, затопивших сушу, и опять
Твердь восстает, собою потеснив
До срока усмирившуюся гладь;

Когда бессилье старческих держав
Так зримо мне, — одним я одержим:
Что это время, всех и вся поправ,
Расправится и с другом дорогим.

Повсюду смерть. Я молча слезы лью.
Она ли пощадит любовь мою.

И если ни земля, ни медь,
Ни океан, ни гор гранит
Не смогут смерти одолеть,
Ужели в мире устоит

Дыханье хрупкой красоты,
Что осознала свой рассвет?
Но даже башни и мосты
Не выдержат осады лет.

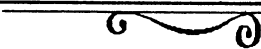
О, сердца неустанный страх:
Не сможет время сохранить
Свой лучший дар в его стенах.
И чудом только, может быть,

Сквозь черные пройдет века
Любви слепящая строка.

Я смерть зову, отчаявшись во всем,
Не в силах видеть духа нищету,
Бездействие в ничтожестве своем
И всех деяний жалкую тщету,
И гибель веры, и наживы власть,
Невинности блудливые черты,
И силу, что насилью поддалась,
И участь бесполезной красоты,
И унижение присмиривших муз,
Невежество в личине знатока,
И зла с добром оправданный союз,
И правдолюбца в роли простака:

В отчаянье ушел бы от всего,
Но друга страшно бросить одного.

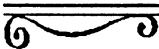

Теперь во мне увидеть можешь ты
И различить такое время года,
Когда не слышно птиц в пустынных сводах
Ветвей, где стынут черные листья.

Во мне ты видишь день недолгий тот,
Что исчезает с меркнущим закатом,
Где немотою ночи опечатан
Уже полуослепший небосвод.

Во мне ты видишь блеск огня того,
Что никогда не вспыхнет с прежней силой
Под пеплом, образующим могилу
Былого полыхания его.

Ты видишь все — затем и крепнет в нас
Любовь, что слышит свой прощальный час.

Но будь уверен: если близок срок,
Когда меня лишат последних прав,
Останусь жить в дыхании этих строк
Я близ тебя, забвенья избежав.

Ты в них увидишь и поймешь опять,
Кем именно я был одушевлен.
Распад сумеет плоть мою разъять,
Но связи нашей не затронет он.

И потому, когда пойду под нож,
И станет труп добычею червей,
Лишь оболочки тесной сгинет ложь,
Что недостойна памяти твоей.

А истинная сущность — вот она,
Душа, что вся тебе посвящена.

Зачем мой стих, любых прикрас лишен,
Не ищет новонайденных сравнений,
Зачем в потоке быстрых изменений
Остался все же неизменным он?

Зачем всегда пишу я об одном,
И те же узы мой размер стесняют
Так, что меня в лицо, пожалуй, знает
Любое слово в словаре моем?

Затем, что полон я тобой, любовь,
Затем, что только ты всегда права,
И потому я повторяю вновь
Ничуть не постаревшие слова —

Как мир, и нов и стар одновременно
Язык любви.

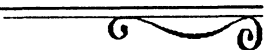
106

Когда в минувших временах
Я вижу тех, кого уж нет,
Но кто в торжественных стихах
Был и оплакан, и воспет, —

Мне ясно: барды всех времен
Провидели прообраз твой,
Что к нам сойдет, запечатлен
В красе изменчиво-живой.

Ты, века нашего венец,
Им не был явлен до конца.
Лишь предугадывал певец
Черты прекрасного лица,

Чтоб очевидцы наших дней
Немели пред красой твоей.

Пусть я не вторгнусь в близость двух сердец.
Ужель любовью на земле зовется
То чувство, что, предвидя свой конец,
Смиряется со временем и рвется?

...Хотя по звездам исчисляют ход
Суденышка, затерянного в море,
Кто долготу земной любви сочтет
И меру человеческому горю?

Как шут розовогубый, на ущерб
Идет, ломаясь, время продувное,
Но если нас безлунный срежет серп,
На Страшный Суд ты явишься со мною.

А коль не так, и лгут слова мои,
Я не поэт, и в мире нет любви.

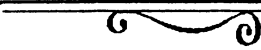

Любовь моя, когда бы ты была
Придворным пасынком с клеймом судьбы позорной,
Ты б, вспыхнув, незаконно расцвела
Иль злого времени травой стала сорной.

Но нет! Тебя не стронет, не стеснит
Всесильной относительности мода.
И рабству торжествующих обид,
И власти мстительной чужда твоя природа.

Превыше всех предательств и интриг
Над мнимой правдой злобы скоротечной
Стоишь ты, пряча осторожный лик...

Свидетельствую: век бесчеловечный,
Бесплодны злодеяния твои —
Темно, безумно время без любви.

Вот похоть, алчна и груба —
Души бездонной страх и стыд.
Равно тирана и раба
Она безжалостно разит.

Когда сыта тобой — презрит,
Но снова, раздирая рот,
Своей приманкою прельстит
И мстит, казнит и предает.

И кто хоть раз ее познал,
Себе до гроба будет лгать,
Что этот пыточный подвал —
Седьмого неба благодать.

Так целый мир, себе не рад,
Стремится в рай дорогой в ад.

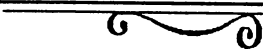

Скажу: ее глаза огнем не жгут,
Не пламенеют губы, как гранат,
И темный волос стянут в черный жгут,
И груди блеском снега не слепят.

Дамасских роз изыскан тон и цвет.
Но разве розы на щеках горят?
И, право же, в ее дыханье нет
Духов, струящих тонкий аромат.

Да, я ее речам люблю внимать,
Но музыка пленяет слух нежней.
И не видна божественная стать
В земной походке женщины моей.

Но вся по мне, без ложной красоты,
Любовь моя, любви достойна ты.

Твои глаза люблю и узнаю,
Они всегда в разладе с сердцем вздорным,
И состраданием — плакальщики в черном —
Смиряют, утишают боль мою.

Так не сияет ранний небосвод,
И влажная звезда на небосводе,
Что возвещает вечера приход,
Так в полуночной славе не восходит,

Как этих глаз живая светотень
Твое лицо преобразает снова.
Но ты и сердце в черный цвет одень,
Как в траур милосердия земного.

И красоту твою не очернят
Клеветники, что черный цвет бранят.

Моя любовь двулика и двойка.
В ней сходятся и мучают меня
Злой, женственно-лукавый демон мрака
И мужественно-ясный ангел дня.

И я низвергнут в пропасть адской муки,
Где дьяволом становится святой, —
Ведь дух мужской со мной теперь в разлуке,
Прельщенный смутной женской наготой.

Не знаю, лишь могу предполагать я,
Что эти двое изменили мне,
И что попал ты к демону в объятия,
Мой ангел, корчась в гибельном огне.

В последней битве между тьмой и светом
Смогу наверно убедиться в этом.

Зачем, являясь средоточьем праха,
Душа моя, так тяжело страдаешь ты,
Приукрашая внешние черты,
Но вся внутри дрожа от лжи и страха?

Зачем недолговечный свой приют
Ты обставляешь роскошью заемной?
Неужто в час, как станешь ты бездомной,
Твою обитель черви не займут?

Душа, ужели гибель — цель твоя?
Созрей в кругу земного бытия,
Но сквозь границы косности телесной

Пройди, заткнув нелепой смерти рот,
Туда, где рухнут стены жизни тесной,
И смерти страх, и смерть сама умрет!

ПИСЬМО ДРУГУ

Я хочу обратиться к тебе, кому обязан выходом этой книги на свет, кто давно и внимательно следил за каждой строкой моих несовершенных произведений, чей взыскательный ум хранил меня в эти времена очевидного упадка искусства.

Не знаю, не ведаю, что уцелеет из этих стихотворений, но благодарен всем близким и дальним, связанным с этой книгой. Благодарен матери, отцу, брату. Счастлив горькой причастностью этой земле и этому времени.

СОДЕРЖАНИЕ

Ветер	3
«Если сроки исполнились, если любовь истекла...»	4
Канон	5
Молчание	6
«Ты за лето окрепла статью...»	7
«Вот мужчина и женщина...»	10
Сонет 33	11
«Уже подымается мерное Мертвое море...»	12
«Сестра и тайна нашего родства...»	13
«...Города никто не спасет...»	14
Вечный жид	15
Ислам	17
«...И раскрывается цветок...»	18
Дон Жуан в Толедо	19
Монолог умершего случайной смертью	20
Смерть поэзии	22
Летний сад	23
Ленинграду	24
«Вышка, вешка, век двадцатый...»	26
«Теснились горы на холсте...»	27
Прощай, столетие	29
Стихи, написанные с фотографии	30
Сретение	31
Стансы на выздоровление	32

СТИХИ И ПОЭМЫ

Напоминание о гражданской войне	37
Семен Дежнев	39
Джордано Бруно	44
Дом 47	45
Житие современника	50

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

«Ко мне пришел усталый человек...»	61
«Снежок непрошенный, порожний...»	62
«Когда стемнело, я пошел на почту...»	63
Весна в пригороде	64
«Дождик. Балкон. Цветы...»	66
Персидский мотив	67
Вербное воскресенье	68
«Вот и совершилось преступление...»	69
«Душ полночное родство...»	70
«Неуемная в сердце уляжется смута...»	71
Элегия	72
Поль Гоген в Южной Сибири	74
Весна в России	75
К Володе	76
Герой	77
Цветы зла	79
Ночь после Рождества	80
«День предивный. Осень. Сум...»	82
Лини	83
Послание в больницу	84
Азиатскому городу	85
«Где сокрушается прибой...»	88

ПЕРЕВОДЫ И ПОДРАЖАНИЯ

Из грузинской поэзии

Из вступления к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»	91
Николоз Бараташвили	
«Мерани»	92
«Синий цвет»	95

Важа Пшавела	
«Фиалка»	97

Илья Чавчавадзе	
«Элегия»	98

Тициан Табидзе	
Окроханы	
Галактион Табидзе	99
Лазурь, или Роза в песке	101
«Солнце июня, спаси, милосердное...»	104
«Солнца июньского медь похоронная...»	105

Из западно-европейской поэзии

Гай Валерий Катулл	
«Отчего я люблю ненавидя, быть может...»	107
«Есть ненависть в моей любви к тебе...»	107

Из Катулла	108
Из Сафо	109
Джованни Строщи на	
«Ночь» Микеланджело Буанаротти	111
Из Петрарки	112

Джон Китс	
«О, быть и мне б звездою неизменной...»	113
Из «Оды к соловью»	114
Федерико Гарсиа Лорка	
«Темна, как смерть, любовь и молчалива...»	116
Г. Лонгфелло	
Стрела и песня	117
Вильям Шекспир	
Сонеты	
1	118
2	119
5	120
7	121
64	122
65	123
66	124
73	125
74	126
76	127
106	128
116	129
124	130
129	131
130	132
132	133
144	134
146	135
Письмо другу	136

Семен Аврамович Заславский

Прощай, столетие
Стихи, поэмы, переводы

Художник Л. Черных.
Ответственный за выпуск А. Беляев
Редактор В. Кожевятов
Технический редактор М. Сушанская

Подписано в печать 27.05.92. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная.
Тираж 5000. Заказ 1951.

Издательство «Кинос», Екатеринбург, ул. 40 лет комсомола, 2.

Верхнепышминская типография
Управления печати и массовой информации.
624080, г. Верхняя Пышма, Свердловской области,
ул. Кривоусова, 11.